

ПО СКАЗУ

ПАВЛА
БАЖОВА

**СИНЮШКИН
КОЛОДЕЦ**

ХУДОЖНИК

В. МАРКИН

Про Синюшку на прииске не раз говаривали. По глухим болотным местам, а то и по старым шахтам набегали люди на Синюшку. Где она сидит, тут и богатство положено. Сживи Синюшку с места — и откроется полный колодец золота да дорогих камней. Тогда и гребни, сколь рука взяла. Многие будто ходили искать, да либо ни с чем воротились, либо с концом загинули.

Жил в нашем заводе парень Илья. Вовсе бобылём остался— всю родню схоронил. И от всех ему наследство досталось. От отца—руки да плечи, от матери—зубы да речи, от деда Игната—кайла да лопата.

От бабки Лукерьи—особый поминок... Как пришло время умирать, позвала бабка Лукерья с прииска внука и говорит: «Ходи веселенько, работай крутенько. Худых думок про деньги да богатство в голове не держи. 4

Из земельного богатства одно чисто да крепко. Это когда бабка Синюшка красной девкой обернётся да сама своими рученьками человеку подаст. А даёт Синюшка богатство гораздому да удалому да простой душе. Больше никому. Вот ты и попомни, друг Илюшенька, это мой последний наказ».

Вскороги умерла бабка... Остался Илюха один-одинёшенек. Надел шапку да зипун и пошёл обратно на прииск. На прииске-то он годов шесть либо семь робил. Тогда ведь, при крепостном-то, с малолетства людей на работу загоняли. [9]

Сначала Илья лесом пошёл напрямую. Сперва ходко шёл, потом намаялся и с пути сбился. Видит—на полянке окошко круглое, а в нём вода, как в ключе, только дна не видно. Вода будто чистая, только сверху синенькой тенёткой подёрнулась, и посредине паучок сидит, тоже синий. [7]

Илюха обрадовался воде, отпахнул рукой тенётку и хотел напиться. Тут у него голову и обнесло—чуть в воду не сунулся и сразу спать захотел. Хотел на ноги подняться, а не может.

Отполз всё ж таки сажени две ко взгорочку, шапку под голову, да и растянулся.

Глядит,—а из того водяного окошка старушонка вышла. Ростом не больше трёх четвертей. Платьишко на ней синее, платок на голове синий, и сама вся синёхонька. Однако глаза у ней молодые, синие, да такие большие, будто им тут вовсе и не место.

Уставилась старушонка на парня и руки к нему протянула, а руки всё растут да растут. Того и гляди, до головы парню дотянутся.

Хотел Илья подальше отползти, да силы вовсе не стало. [17]

— Ага! Испугался, испугался! — зардовалась старушонка. — Да не родился ещё такой человек, чтоб из здешнего колодца воду добыл. Тебе ли добыть, коли подойти боишься! [13]

—Коли на то пошло, так нарочно приду—воды из твоего колодца вычерпнуть.

Ну, поругались так-то. Пошёл Илья дальше, сам дорогу примечает и про себя думает: «Вот она какая, бабка Синюшка. Ровно еле живая, а глаза девичьи, погибельные. Поглядел бы, как она красной девкой оборачивается.

К вечеру выбрался Илюха на прииск. Смотритель напустился, конечно, на Илюху: «Что долго?»—Илья объяснил—так и так, бабушку Лукерью хоронил.

На прииске парень был — Кузька Двоерылко. Насчёт того, чтобы чужое в свой карман прибрать, Двоерылко мастак был. Одним словом, ворина.

Этот Кузька крепко завидовал Илюхе. Тот парень ядрё-
ный да могутный, крутой да весёлый—работа у него и шла
податно.

Против такого парня где же равняться Двоерылому, коли у него ни силы, ни охоты, да и на уме вовсе другое. У Кузьки своя забота—за Илюхой доглядывать.

Вот и узрил, что Илья ковш старательский взял да к лесу пошёл. Двоерылко за Ильёй — думает, не смывку ли золотишка где наладил.

Ну, никакой смывки не оказалось, а стал Илья тот ковш на жердинку насаживать. Сажени четыре жердинка, для смывки не сподручно. Ещё пуще Кузька насторожился. К чему бы это?

Долгонько пришлось Илье по приметам-то к Синюшкину колодцу пробираться. А Двоерылко всё время за ним шёл. [23]

Глядит Илья,—старушонка у колодца стоит, дожидается. А над колодцем туман, как шапка синяя, густым-густёхонько. [53]

Илья разбежался да ковшом-то на жердине прямо в ту синюю шапку и сунул да ещё кричит: «Ну-ко, ты, убогая, поберегись! Не зашибить бы ненароком».

Поднял маленько ковшик, да и норовит опрокинуть на старушонку.

Тут жердинка и переломилась, и вода разлилась. Старушонка смеётся: «Ты бы ковшик-то на бревно насадил... Надежнее бы!»

—Погоди, убогая! Искупаю ещё!—грозится Илья.

— Ну, ладно. Поболовали — и хватит. Вижу, что ты парень гораздый да удалый. Приходи в месячную ночь, когда взду- маешь. Всяких богатств тебе покажу. Бери, сколько уне- сёшь. Если меня сверху не случится, скажись: «Без ковша пришёл».

Двоерылко всё это до капельки видел и до слова слышал.—
«Надо,—думает,—поскорее на прииск бежать да кошели на-
готовлять. Как бы только Илюшка меня не опередил!»

Прошло так дней пять. В ту пору как раз молодой месяц народился, ночи посветлее стали. Вдруг на прииске разговор — Двоерылко потерялся. Смотритель велел по лесу искать — не оказалось. Всяк про себя думал: «От того убытку нет, коли вор потерялся». На том и кончилось.

Как месяц на полный кружок обозначился, Илюха и пошёл. Добрался до места. Глядит — никого нет. Илья всё же со взгорочка не спустился и тихонько молвил: «Без ковша пришёл».

Только сказал, сейчас старушонка объявилась и ласково говорит: «Милости просим, гостенёк дорогой! Давно поджидаю. Подходи да бери, сколько унесёшь».

Сама руками-то как крышку над колодцем подняла, а там
и открылось богатства всякого. Доверху набито.

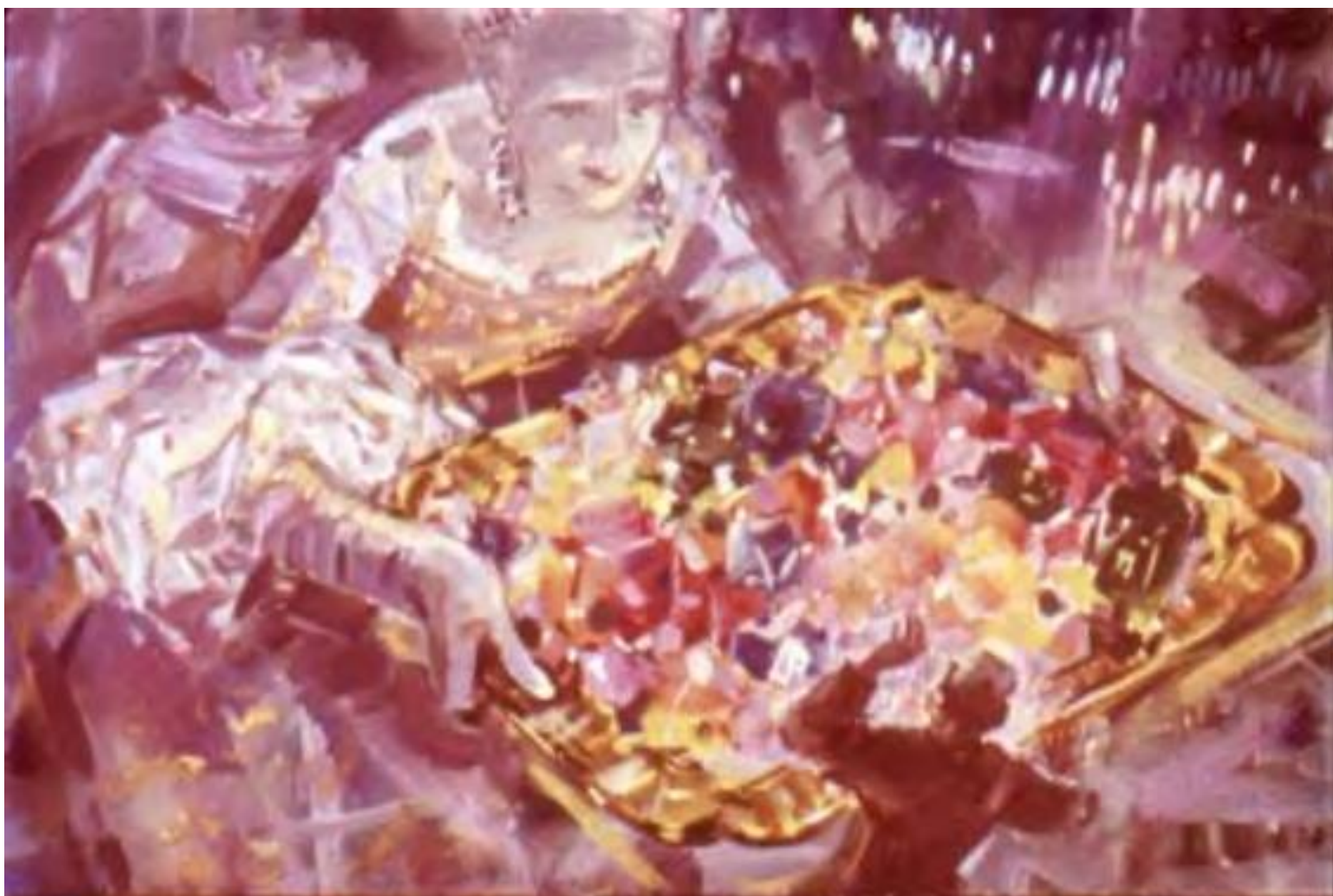
—«Ну, чего стоишь? Бери, говорю, сколько в кошель уйдёт». — «Кошеля-то у меня нету, да и от бабки Лукерьи я слышал, будто только то богатство чисто да крепко, какое ты сама человеку подашь».

—«Ну, будь по-твоему!»—Как сказала это старушонка, так из колодца синий столб выметнуло.

И выходит из этого столба девица-красавица, как царица снаряжена, а ростом до половины доброй сосны. В руках — золотой поднос, а на нём груды всякого богатства.

Подходит эта девица к Илюхе и с поклоном подаёт ему поднос.—«Прими-ко, молодец!»

Илья посмотрел на поднос и говорит старушонке: «Для сме-
ху это придумано. Ни одному человеку не в силу столько
поднять». — «Ну, будь по-твоему! Другой подарок дам». [38]

И сейчас же той девицы—с золотым-то подносом—не стало. Из колодца вышла другая девица. Ростом поменьше. Тоже красавица и наряжена по-купецки. В руках у неё серебряный поднос, на нём груда богатства.

Илья и от этого подноса отказался. Тут старушонка вовсе по-девичьи рассмеялась.—«Ладно, будь по-твоему!»

Сказала, и сразу не стало ни той девицы с серебряным подносом, ни самой старушонки. Тут сбоку трава зашуршала. Поворотился Илюха в ту сторону.

Видит—девчонка подходит. Простая девчонка, в обыкновенный человеческий рост. Годов так восемнадцати.

Платишко на ней синее, платок на голове синий, и на ногах бареточки синие. А пригожая эта девчонка — и сказать нельзя. Глаза звездой, брови дугой, губы — малина, и руса коса трубчатая через плечо перекинута, а в косе лента синяя.

Подошла девчонка к Илюхе и говорит: «Прими-ка, мил друг Илюшенька, подарочек от чистого сердца». — И подаёт ему старое бабки Лукерьи решето с ягодами.

Принял Илюха решето, а сам как дурак стоит, никак до-
мекнуть не может, откуда эта девчонка появилась, где она
осенью всяких ягод набрала.

—«Ты чья, красна девица? Скажись, как тебя звать-величать?» — «Бабкой Синюшкой люди зовут, а гораздому да удалому да простой душе и такой кажусь, какой видишь. Редко только так-то бывает».

Исчезла Синюшка... Долго ещё стоял Илья. Синий туман из колодца по всему ложочку пополз, тогда только стал к дому пробираться.

На свету уж пришёл. Только заходит в избу, а решето с ягодами и потяжелело, дно оборвалось, и на пол самородки да дорогие каменья посыпались...

С таким-то богатством Илья сразу от барина откупился, на волю вышел. Не потаил Илюха, где богатство взял. Ну, рыться по тем местам стали да золото нашли. На моих ещё памятах тут хорошо добывали. А того колодца так и не нашли...

КОНЕЦ

Сценарий Н. Мартыновой

Редактор Т. Семибратова

Художественный редактор В. Иванов

Студия «Диафильм» Госкино СССР, 1976

101000, Москва, Центр, Старосадский пер., д. №7

Цветной 0-30

Д-318-76

Сканировал *Сергей Калабухин* - 2:5016/7